

Модный коуч называл это – «быть в потоке», и иногда Элина внезапно выпадала. Это могло случиться на сцене перед толпой людей, на романтическом ужине, посреди съемки – будто волна испуга прокатывалась по телу, оседая электрическими мурашками в затылке, подташнивало и хотелось убежать. Когда было можно, она убегала. Запиралась в чьей-нибудь гримерке, в машине, в кабинке туалета и принималась судорожно листать ленту. Крупные модельеры, трендовые сессии, набирающие популярность блогеры, парикмахеры, визажисты – мелькание успокаивало, мозг переключался в режим суперскоростного анализа, сбившееся дыхание восстанавливалось само собой, тошнота отступала, и можно было возвращаться. Когда сбежать было нельзя, на съемках телепрограмм или на сцене во время показов, Элина старалась просто переводить взгляд с одного на другое – так мозг тоже постепенно успокаивался.

Идеальный мужчина только поэтому ее и заметил – в тот день она делала съемку для новой линии его автомобилей. Вокруг было столько полуголых моделей, что обратить внимание на одетую Элину было нереально. Но она почему-то снова выпала, и это его совершенно заворожило. Ему показалось, что она шпионка с феноменальной фотографической памятью и сейчас, как принтер, распечатает все, что промелькнуло у нее перед глазами. Он загово-

рил, пригласил на ужин, начал звонить вечерами и поражался тому, как перед ним раскрывается ее мир, новый и удивительный. До этого он воспринимал женщин как детей или как кошек. Что-то нежное и умильное, о чем приятно заботиться, но Элина была как давний друг, как мужик, она запоминала, советовала, нравилась его деловым партнерам и подкидывала не ему, а им идеи совместных проектов. Он переехал к ней. Из своего дома, где каждая полочка располагалась на комфортной высоте, где все цвета и фактуры подбирались лично под него, вдруг переехал. У нее было уютнее.

Элина была с ним по-настоящему счастлива. Как в кино – медленно просыпаться, накидывать шелковый халат, готовить завтрак идеальному мужчине, украшать чем-нибудь новым лацкан его пиджака и целовать на прощание. Он носил платок в кармашке или стильную мужскую брошь как орден и вечером аккуратно откреплял.

Когда он уходил, Элина варила себе терпкий кофе и садилась листать ленту. Фотографии сливались в сплошной поток образов. К последнему глотку в памяти оседало случайное. Сочетание песочного с мятным, графичная стрелка, поворот корпуса на показе японского дизайнера, неестественно белый бант в рыжих волосах. К вечерней съемке Элина уже точно знала, что ей нужно и кто. К обеду она ехала на очередной мини-показ. Крупные модельеры под-

бирали лучшей специально для нее. Мелкие таких возможностей не имели, поэтому просто старались общаться – делали вид, что советуются, ценят ее экспертное мнение, но на самом деле надеялись, что она и у них выберет что-нибудь для журнала. И она выбирала – не отдельно, конечно, так, аксессуар на модели фешен-гиганта, иногда место в коллаборационной съемке. Моду делают не узколюбые эстеты, а стилисты журналов. Ей дарили одежду, укладывали волосы, делились новостями, звали на дни рождения. Сначала она верила, что это от души, разобравшись, оскорбилась, что ею пользуются, а потом научилась пользоваться сама. К своим тридцати семи она была настолько хороша, что один журнал заставил ее подписать договор о том, что она больше ни с кем не работает, а другой тайно ее нанял. Хитрая четырнадцатилетняя блогерша из дома напротив поднялась на том, что просто каждое утро фотографировала, в чем Элина вышла на работу. Элину это веселило, иногда она специально долго возилась у машины, а иногда проскакивала так быстро, что девочке выкладывать было нечего. Но большей частью Элина и вовсе о ней не помнила.

Идеальный мужчина все больше расслаблялся, собирался жениться и подумывал о том, что хочет детей. С ней они точно будут умненькими и не капризными. Но чем больше он воображал себе их совместное будущее, тем больше понимал, что именно то, что зацепило его в ней – ее странные внезапные перепады настроения, моменты, в которые самоуверенная альфа-самка становилась беззащитной девочкой, – именно это теперь пугает его. Это было гораздо хуже, чем предсказуемая беспомощность его бывших, к которым можно было приставить личного помощника и забыть о проблемах.

Он намекнул на психолога, и она согласилась – сама тоже чувствовала, что есть какой-то изъян, с которым она научилась уже справляться, конечно, но лучше бы без него. Мало ли.

Модный коуч посоветовал не менее модного психоаналитика, и теперь раз в неделю Элина ходила вспоминать. Ей всегда казалось, что детство ее не было травматичным, и искать истоки ее падений там – странно. Скорее всего, это просто стрессы, бешеная скорость жизни и ответственность. Но психоаналитик настаивал.

Родители Элину любили и баловали. Как-то мама потратила всю зарплату на то, чтобы выкупить у соседки старое бальное платье дочери. Та занималась танцами, из платья выросла, а Элине нужно было идти на елку в ДК. Голубое мерцающее облако тюля и кружев. Оно было так великолепно, что мама

истратила все десять кадров поляроида, стараясь передать фактуру. Когда она убрала фотоаппарат, Элина заметила, что глаза у мамы чуть влажные. Элина не поняла почему. Наверное, потому что мама тоже хотела такое платье. Элина посмотрела в зеркало и впервые увидела то, чего никогда не замечала. Мамин застиранный халат с разными пуговицами, пегие волосы, с которых у корней сошла краска, морщины. Элину пронзил ужас оттого, что сейчас войдет папа и увидит, какая некрасивая на самом деле у него жена, и он разведется с ней, как отец соседки по парте. Но папа появился в зеркале такой же убогий – рубашка с пятнами, вытянутые линялые штаны. Но они, казалось, друг друга и не видели, они видели только Элину в пышном бальном платье, и папа приобнял маму так, будто бы они были двумя скульпторами, долгие годы создававшими свой маленький шедевр. Мама показала ему снимки. Элина думала, что папа будет ругаться, кассеты для поляроида стоили очень дорого, их купили на Новый год, но папа взял один из снимков и убрал в нагрудный карман – потом он повесит его в машине, рядом с иконой.

– Коле тоже отправь, на всех хватит тут? – спросил он тихо.

Мама в уме пересчитала родственников и кивнула.

От психотерапевта Элина выпорхнула. Она слышала о том, что творческие люди черпают вдохновение в детском опыте, но сама всяких поэтов, художников и музыкантов считала «улетевшими», а себя – человеком рациональным, уверенно стоящим на ногах. Но сегодня во время сеанса родилась концепция такой съемки, за которую она точно получит международную премию. У нее уже было несколько крупных удач. Как-то она увидела толстуху, медленно бегущую по пустому стадиону, и вдохновилась на съемку несчастных моделей плюс-сайз в бесформенных спортивных костюмах. На фоне гигантских спортзалов и теннисных кортов они казались по-детски беззащитными. Или ее скандальная съемка об осознанном потреблении и перепроизводстве – модная многослойность на фоне гор нераспроданной готовящейся к утилизации одежды.

Эта тоже будет шедевром – нюдовые модели, похожие на манекены, в трендовом нынче оверсайзе пастельных тонов вокруг какого-нибудь яркого музейного платья с шитьем и кружевами ручной работы. С подтекстом о том, куда в целом идет наша культура.

Она была так увлечена съемкой, что о детстве больше не думала и от следующего сеанса ждала

очередной потрясающей идеи. Даже бриф поставила днем позже – как раз обдумает все и на следующий день распределит обязанности. Однако психоаналитик попросил вспомнить то, чего Элина в рассказах избегала, – саму елку.

На елку она, собственно, и не попала. Она пошла туда в мамино пальто, потому что под ее шубку платье не входило. Разделась в гардеробе и шагнула в холл. Легкая, воздушная, убежденная в том, что прекраснее нее нет теперь никого на свете. И Сережа пригласит ее сегодня на медленный танец, и, наверное, даже Саша. И все теперь будут относиться к ней по-особенному. И староста Катя, наверное, сядет теперь с ней, а не с бледной Светкой.

Катя пришла в темно-синем трикотажном костюме. Ворот ее олимпийки, подол юбки и манжеты были обшиты крупной мишурой, которую Катя ласково поглаживала, а потом вдруг заметила Элину и замерла. Она не сразу ее узнала – это было видно по лицу, а когда поняла, кто перед ней, – сначала удивилась, а потом почему-то разозлилась.

- Какое платье! – ахнула Светка.
- Да, – кивнула Катя. – Жалко, что у Элинки лицо некрасивое.
- Ушастик, – хихикнула Светка.

Элина не понимала, что происходит. Она ждала, что кто-то захочет такое же платье, похвалит, но она и не подозревала, что может быть вот так. Что ее подруги, с которыми она играла с младшей группы детского сада, будут стоять вокруг нее плотным кольцом, обозленные, колючие. Что они будут вот так смеяться над ее кривыми ногами, зубами, как у кролика, длинным носом и маленькими глазками. Будто бы она, как родители у зеркала, никогда не видела своей отвратительности, думала, что она если и не красивая, то хотя бы симпатичная. А теперь она все поняла. И ей казалось, что шикарное платье натянули на комок вонючей грязи и всем этого прекрасного платья жаль. Она сорвала с вешалки мамино пальто, забыла вторую обувь и убежала домой в белых лаковых туфельках с квадратными носами, которыми раньше тоже гордилась, а теперь и они казались безнадежно испорченными тем, что надеты на безобразную Элину. После этого она долго болела, из платья и туфелек выросла, а потом они вообще переехали, и Элина предпочла эту историю забыть.

После сеанса она сидела, обескураженная, в любимой кофейне и пыталась осмыслить. Мимо нее продефилировала красотка в широких брюках, подвязанных у щиколотки тонкими шнурками. Элина поняла вдруг, почему лаковых белых туфель с ква-

дратными носами не было ни в одной ее журнальной коллекции. В прошлом году Элина надела на модели шпильки со спортивными брюками, лишь бы не такие грубые туфли. Силуэт рассыпался, и Элина придумала подвязывать широкие штанины шнурками. Это подхватили, и модницы до сих пор так носили. Еще Элина ненавидела меховые манжеты и потому отказывалась брать в коллекции мех, оправдывая себя заботой об экологии и жалостью к убитым животным. А если манжеты принимались поглаживать, как один известный модельер, у Элины случался приступ паники. Она думала, что сам он ее раздражает своей надменностью и манерностью, но сейчас поняла, что в других это ее не бесит. Смешит даже. Ее бесят манжеты, синие олимпийки и серые широкие пальто с песцовым воротником.

Головой она понимала, что ничего не случилось, но чувство было такое, будто бы мир сломался, – она думала, что объективна, что то, что она делает, реально хорошо и стоит на жестких научных основаниях – не зря же она полжизни изучает эстетику визуального. Но оказалось, что все это вкусовщина, ее личная трактовка, которая, возможно, людям и не нравится, но на них давит авторитет ее журнала.

Со съемки пришлось уйти. Когда осветитель спросил, заливать ли фон полностью или только подсветить модели, у Элины случился такой приступ паники, что она убежала в туалет, но даже ленту листать не могла – тряслись руки. Она должна решить за всех этих людей, и от правильности ее выбора будет зависеть популярность журнала, их зарплата, то, в чем будут ходить люди в ближайшем сезоне. А она не знает. Впервые в жизни по-настоящему не знает. А это же ее работа – знать. Говорить с железобетонной уверенностью в голосе: «Да, вот отсюда свети. Ты сам не видишь, что ли? Ну естественно. Девочки, вот так становимся. Да не так! Да. Принесите мне сюда красную сумку». Немного успокоившись, она попыталась выйти и что-то такое изобразить, но заметила, как все стоят вокруг нее плотным кольцом и смотрят. Разревевшись, она убежала.

Психоаналитик предложил найти этих девочек и сравнить себя с ними, чтобы убедиться, что мнение их не имеет значения. Элина нашла. Светка безобразно раздалась, тащила одна троих детей, два года назад ездила поездом в Адлер на пять дней. Катя работала в органах, и лицо у нее стало сухим и брезгливым. Элина по сравнению с ними сделала головокружительную карьеру, «выбилась» и «стала». Однако знание это не помогло. Элина вспоми-

нала их оскорбления и чувствовала, что передние резцы у нее и правда великоваты, а потому лучше не улыбаться. Уши тоже слишком крупные, поэтому какие серьги вообще? И глаза ей все красят светлым – слишком мелкие и близко посажены. И ноги. Тот японский дизайнер именно поэтому подарил ей широкие свободные брюки.

Элина стояла перед зеркалом и ненавидела себя. Ободок вокруг сосков слишком широкий, ноги и вправду кривые, зад какой-то по-советски квадратный, пальцы на ногах уродливо длинные, и нос. Главная проблема – нос.

Секса в тот день не было. На следующий она решила, но в полной темноте, и была так зажата, что идеальный мужчина прервал все еще в процессе. Элина испугалась, что он от нее уйдет, если она срочно не решит все свои проблемы. Она записалась на пластику, укоротила нос. Но стало заметно, что подбородок у нее маловат, а потому лицо теперь казалось глупым и невыразительным. Чтобы отвлечь внимание от лица, Элина увеличила грудь. Мужчину это удивило, Элина подумала, что ему не нравится, уменьшила ее прямо по незажившим ранам, плакала, просила сказать честно, что ей еще в себе улучшить. Мужчина какое-то время держался, даже сходил с ней к психоаналитику, но надолго его не хватило.

Когда он ушел, Элина окончательно ухнула в бездну. Ушла с работы, прервала все общение, а вскоре и встречи с психоаналитиком перенесла в скайп. Вообще перестала выходить. Лежала и плакала. Иногда она чувствовала желание что-то изменить, вернуть себя прошлую, но открывала ленту, видела новые работы тех, кто ее заменил, и понимала, что это и правда хорошо. У них есть свой узнаваемый стиль, они прекрасно понимают, что делают, и теперь разбираются в моде гораздо лучше нее, которая уже вывалилась из потока. И если раньше она могла точно сказать, чьи это кроссовки и какого года, то теперь она даже модельеров не всех знает.

Приезжали родители, какие-то друзья, привозили ее прошлые работы, журналы, дарили фотографии, старались напомнить ей о том, какой успешной она была, и это убивало. Элина смотрела на прекрасную, сильную женщину, блиставшую везде, и сравнивала себя с тем искореженным растолстевшим убожеством, которое сейчас боялось выйти из дома.

Психоаналитику стало нечем платить, и Элина заменила его на часовые пробежки. Физическая форма возвращалась, и это хоть как-то ее приободрило.

Она решила накачать зад, потом подтянуть талию, научилась отжиматься на одной руке и иногда посматривала уроки танцев. У одной танцовщицы было странно накрашено лицо, и Элина подумала, что еще не пробовала красить себя новую. Как ни странно, новое лицо оказалось довольно интересным. Да, оно не было таким запоминающимся, как раньше, но зато теперь Элине шли даже самые необычные цвета. Начинало происходить то, на что Элина тайно рассчитывала. Она надеялась, что лежать и плакать рано или поздно надоеет – это было не в ее характере, и привычка бороться и побеждать рано или поздно вернет ее в колею. Она заставляла себя наряжаться все ярче и все смелее и когда, наконец, почувствовала себя уверенно, так обрадовалась, что пошла гулять в парк. И получив комплимент от случайного старичка, который явно ничего плохого не хотел, разрыдалась. Похвала была таким приятным знакомым чувством, которого так долго в ее жизни не было, что она снова ощутила бездну. И опять долго выбиралась, по шапочкам, раз за разом, настраивалась, могла, но снова падала обратно. Казалось, конца этому не будет, каждая провальная попытка добавляла страха, и дорога наверх становилась все труднее и труднее. Элина пыталась убедить себя, что это полезно, – она учится не реагировать на плохое, обретает стойкость и мужество, но в глубине души чувствовала, как крепнет ее внутренний неудачник. Каждая попытка подпитывает его, и даже простой телефонный звонок становится героическим подвигом, после которого нужно полежать и подумать. Встать с рывка тоже не получалось. Элина попыталась устроиться на работу, но на собеседовании у нее так сперло дыхание, что она вспотела как мышь и, извинившись, ушла. Уже на следующий день она пошла в другое место и так дерзко и смело отвечала, что понравиться руководителю никак не могла. Через пару попыток она осознала, что, как бы ей ни хотелось, она не готова сейчас. Не боец. Сейчас она может делать только что-то по-настоящему интересное и не травмирующее. К счастью, кончались деньги, и Элина даже экономить не старалась – надеялась, что трудности ее как-то приободрят. Придется хоть куда-то устроиться. Хотя бы в «Макдоналдс» на кассу. Но и это не сработало. К концу смены она посмотрела на лица окружавших ее людей и не поняла, что она тут делает. Они ничего не умеют, поэтому тут. А она умеет.

На следующий день Элина проснулась рано, но не встала. Лежала и собиралась с духом. Пора было решаться.

Она накинула шелковый халат, выпила кофе, пролистая ленту и распахнула шкаф. Все эти оригинальные, красивые вещи давно вышли из моды. Можно было начать блог для нищелюбов – как изобразить, что ты богат и в тренде, – и Элина начала уже об этом думать, но остановилась. Это ее не вытасчит. Это игра на понижение. А она уже и так настолько низко, что нельзя ставить себе мелких целей. Когда больше ничего нет, только масштаб и величие замысла способны тебя облагородить. Нужно, чтобы ты сам ахал от собственной наглости и самоуверенности. Что она может сейчас? Что она умеет такого, что потрясет всех, что потрясло бы ее саму? Что доказало бы ей, что она и сейчас, лишенная всего, гораздо талантливее всех? Она окинула взглядом шкаф и поняла.

Здоровенная полка была забита разноцветными платками и шарфами разных фактур и стилей. Вот. Она же хотела как-нибудь этим заняться – тот же черный базовый комплект, брючки и свитерок или платьице и аксессуары, создающие образ. По-разному повязанные, изящно уложенные жгутом вокруг шеи, платок на волосы, на сумку, бант, шарф, браслет. Раньше все эти вещи были для нее цветовыми пятнами, уравнивающими образ, но она чувствовала, что они и сами по себе интересны. Сделать для этих тряпочек то, что она хочет для себя, – дать каждой главную роль, вывести из тени. Это сложно – нужно думать, пробовать, сочетать, но в сложности и есть смысл.

Первое видео, в котором она показала, как завязать платок двадцатью разными способами, вышло в топ за 9 часов. Элина тут же стала экономнее, каждый день выдавала один новый образ. Это было то, что не могло не сработать. Тысячи занятых женщин, издерганных работой, домашним хозяйством, начальством и детьми, хотели выглядеть изящно, но ни времени на подбор гардероба у них не было, ни денег на дорогую одежду. А тут завязал иначе тот же шарфик – и чувствуешь себя не тетей-лошадью, а стильной женщиной, которая следит за последними модными тенденциями. Когда бешеный приток подписчиков начал спадать, Элина обновила тренд – выпустила серию новых видео – аксессуары, это, конечно, хорошо, но надо понимать, на чем их носить. Нужно подобрать базовые комплекты по типу фигуры. Кому стоит носить брючки, а кому нельзя водолазки. Это снова вывело ее в топ. Ее вспомнили, начали обсуждать, не понимая еще, стоит ли тратить на нее время. С одной стороны, да, профессионализм ее сомнений не вызывал, но она так внезапно пропала и появилась теперь совсем

не там, где ее ожидали. Потом ей написал старый товарищ, которого она в свое время вывела на широкий рынок, – хотел, чтобы она разработала для них капсульную коллекцию платков. Она согласилась. Это бахнуло. Монохром и аксессуары – главный тренд сезона. Все пошли за ней, даже гиганты, которые теперь тоже жаждали от нее лимитированных коллекций и целых линий.

Жизнь наладилась. На одном из светских вечеров, куда она пришла в роскошном вечернем платье из голубого тюля и кружев, она увидела бывшего идеального мужчину. Он постарел, не сильно, но все же оплыл, завел себе очередную беспомощную девочку, которая ему родила, и с тоской искал Элину взглядом. Элина благодушно ему кивнула, но подойти не стала – поехала домой.

На улице было сухо и прохладно. Элина замерла у машины. Звездное небо давило своей бесконечной глубиной. Вот она. Топовый модельер, успешная, сильная женщина. Она разломала себя до самого основания и пересобрала заново. Гештальт закрыт. Теперь она абсолютно здорова. Ей сорок два. Вчера врач сказал, что она уже никогда не родит, не покормит грудью, не покажет идеальному мужчине крохотную ножку малыша со смешными пальчиками. Это она потеряла. И что она получила взамен? Карьеру? Но собирать образы из чужих коллекций было ничем не хуже, чем создавать свои.

Стоять было так тяжело, что она присела на подножку своего огромного джипа и разревелась, как детстве. Юная блогерша из дома напротив постояла у окна, вынула телефон, посомневалась, но снимать все-таки не стала.

